

Интернациональный
Союз Писателей

Влюблённые

Группа ИСП
ВКонтакте

Валентина Спирина

**Влюблённые. Группа
ИСП ВКонтакте**

«Издательские решения»

Спирина В.

Влюблённые. Группа ИСП ВКонтакте / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963105-3

Сборник «Влюблённые» — это чувственный, яркий, насыщенный эмоциями подарок наших авторов — участников группы «Стихи. Проза. Интернациональный Союз Писателей» ко Дню всех Влюблённых. Кто-то скажет:— Да какой это праздник! Или:— Не наш это праздник! Заграничный! Чужой! Бросьте... А разве Любовь, сама по себе, не праздник? Взаимная или безответная она — Дар, который надо беречь всегда. Писать о любви — дар вдвойне. И наши авторы от всего сердца делятся своим даром с вами, дорогие читатели.

ISBN 978-5-44-963105-3

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Интернациональный Союз Писателей	6
Предисловие	7
Елена Наливина	8
Песня с хорошим концом	8
Марат Валеев	10
Бог есть	10
Эдик Пашков	15
«Я крепкая настежь открытая дверь...»	15
«За то, что мы имеем разный пол...»	17
«Задумавшись, что много не теряю...»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Влюблённые Группа ИСП ВКонтакте

Составитель Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3105-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интернациональный Союз Писателей

Международный (Интернациональный) Союз писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов является крупнейшей в мире организацией профессиональных писателей. Союз был основан в 1954 году.

До недавнего времени штаб-квартира организации находилась в Париже, в данный момент основное подразделение расположено в Москве.

В конце 2018 года правление ИСП избрало нового президента организации. Им стал американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий Хьюго, «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и других – Майкл Суэнвик.

<https://t.me/inwriter>

<https://vk.com/inwriter>

<http://inwriter.ru>

<https://web.facebook.com/groups/soyuz.pisateley/>

Предисловие

Дорогие читатели!

Сборник «Влюблённые» – это чувственный, яркий, насыщенный эмоциями, подарок наших авторов – участников группы «Стихи. Проза. Интернациональный Союз Писателей» ко Дню всех Влюблённых. Кто-то скажет:

– Да какой это праздник!

Или:

– Не наш это праздник! Заграничный! Чужой!

Бросьте... А разве Любовь, сама по себе, не праздник? Взаимная или безответная она – Дар, который надо беречь всегда. Писать о любви – дар вдвойне. И наши авторы от всего сердца делятся своим даром с вами, дорогие читатели.

А ещё мы надеемся, что кто-то из участников группы захочет стать членом Интернационального Союза Писателей и наши коллективные сборники послужат первой ступенькой на пути к Литературному Олимпу.

Важно! Произведения в данном сборнике не рецензируются и публикуются в авторской редакции.

Елена Наливина

Песня с хорошим концом

Изо дня в день он наблюдал, как она кормит птиц. Тонкая, почти прозрачная, стоит на ветру в лютый мороз, а продрогшие синицы, воробьи и снегири собираются стайками и проворно склёвывают корм прямо с её изящных рук-веточек. Казалось, вот сейчас сильный порыв ветра с реки согнёт её пополам, свалит в снег и развеет по сугробам птичье угощение. Но она не обращала на ветер ровным счётом никакого внимания. И на него тоже. Хотя знала, что он смотрит. В этом он не сомневался.

Не заметить его было невозможно. Протягивая птичкам еду, она украдкой кидала на него восхищённые взгляды. Огромного роста, крепкий, кряжистый. Настоящий. Среди её ближайшего окружения таких не было, одна мелочь. Недоросли и слабаки. В нём чувствовалась сила. Даже на расстоянии.

Днём около неё крутились дети. Бегали, смеялись, лепили снежки. Кидались друг в друга и в неё тоже. Она только укоризненно покачивала головой, изредка опираясь на невысокий резной штакетник, отделяющий добротный кирпичный дом от дороги.

С высокого берега реки дом был виден как на ладони. И она. В сером, в ярких красных серёжках на фоне ослепительно белого снега. «Как она не мёрзнет? – думал он. – Такая юная, хрупкая, почти раздетая». Хотелось броситься к ней прямо по льду. Немедленно, сейчас же. Прижать к груди, укрыть от ветра, согреть в объятиях и спрятать от всего мира. Даже от птиц.

Он обнимал её каждую ночь. В мечтах. Она льнула к нему всем телом, покоряясь исходящей от него настойчивой силе, слабая от мощи нежных прикосновений. И тихонько, подобно шелесту ветра в листве, шептала: «Люблю...» Утром все грёзы рассеивались, и она только грустно вздыхала, осознавая несбыточность своих мечтаний. И опять кормила птиц. А он стоял на том же месте. Величественный и бесконечно одинокий. Стоял и смотрел только на неё.

Весна наступила внезапно. Забурили ручьи. Ожилились птицы. Река вышла из берегов и, размыв дорогу, подобралась почти вплотную к калитке палисадника. На вербе набухли почки. По ночам под окнами дежурили коты, оглушительным мяуканьем вызывая на свидание домашнюю кошку Мусю.

Вместо Муси в открытом окне появлялся отец семейства Александр Семёнович и грозно шикал на женихов. Её это забавляло.

Она тоже пробуждалась от зимней спячки вместе с природой. Расправляла плечи, поднимала голову навстречу солнцу, грелась в первых несмелых лучах. И расцветала на глазах.

В один из дней, когда река уже успокоилась и вернулась в русло, к дому подкатил изрядно потрёпанный джип, заляпанный грязью по самую крышу. Громкий звук клаксона всполошилковыряющихся в палисаднике кур.

Из ворот вышел Александр Семёнович в резиновых сапогах и распахнутой телогрейке, надетой прямо на майку.

– О! Здорово, Аркадий. Какими судьбами? Мост что ли наладили?

– Привет, Семёныч. Да, вчера ещё. Проехал. Вон, видишь? – улыбаясь, Аркадий кивнул на джип.

– И куда?

– До фермера доеду. Говорит, комбикорм привезли ему. Можно брать. Тебе курам нужно?

– Да можно бы один мешок. Зацепишь?

– А то! Не вопрос. Потому и заскочил к тебе. Всё равно мимо еду.

– Ну, спасибо!

Аркадий вытащил из кармана пачку сигарет.

– Перекурим?

Александр Семёнович чиркнул зажигалкой. Мужчины с удовольствием затянулись, облокотившись на штатетник.

– Слышь, Семёныч? Какая же красивая у тебя рябина. Глаз не оторвать. А ведь молодая ещё.

– Как молодая? Четвёртый год. Красавица, да. В питомнике брал. Какой-то сорт не наш. Плакучая что ли. Не помню. Но разрослась здорово. Видать, понравилось ей тут.

– Неужто четвёртый? Как время летит. И не замечаешь с хозяйством этим. А может, дашь черенки? Я бы тоже такую посадил.

– Да ты что, Аркаш? Не приживётся. Саженец надо сажать. И не сейчас, а осенью.

– Да? Жаль. Мне так надоел пустырь этот на косогоре перед домом. Один дуб торчит, а зелени хочется.

– Слушай. Ну, тогда тебе надо корневых отростков дать. У неё корневая сильная. Может, и вырастет.

– Дашь?

– Дам. Езжай за комбикормом. А я накопаю пока. На обратном пути и заберёшь.

– Ну ты, Семёныч, человек! Спасибо. Не напасёшься денег на питомник этот. Я мигом обернусь, час-полтора...

Джип лихо вырулил на раздолбанную дорогу, подмигнув грязными фарами.

Александр Семёнович вздохнул и пошёл в сарай за лопатой.

Ветра не было, но она дрожала всем телом, когда хозяин осторожно подкапывал и отделял корневые отростки.

– Да не трясись ты, – ласково приговаривал Семёныч, – не больно же.

А она тряслась не от боли – от возбуждения, в предвкушении казавшегося несбыточным счастья. И в благодарном порыве старалась погладить Семёныча по лысеющему затылку: «Я приживусь. Обязательно приживусь!».

С косогора он отчётливо видел залитый солнцем палисадник, мужчину с лопатой, свою любимую с тонкими зеленеющими руками-веточками, и сладкие весенние соки бурлили под корой, поднимаясь от корней к самой кроне.

Марат Валеев

Бог есть

Что вы знаете об отчаянии?! А я знаю. Это когда ты провел сорок дней вдали от любимой, на очередной экзаменационной сессии (после того, как мы со Светланой уехали из Казахстана на Север, в Эвенкию, я продолжал ездить на сессии в Алма-Ату уже отсюда) и с каждым прожитым днем все больше мечтал о предстоящей встрече после неимоверно долгой разлуки.

И когда проклятая сессия эта, наконец, закончилась, и ты, счастливый, едешь с купленным в предварительной авиакассе билетом на рейс самолета Алма-Ата-Красноярск. И после трех часов лета приземляешься в порту Емельяново, и тебе остается пролететь всего еще 1000 километров на Север, в Туру, где тебя дожидается красавица-жена, по которой ты за сорок дней просто смертельно стосковался.

И ты переезжаешь из аэропорта Емельяново в другой, всего в трех километрах, в Черемшанку, обслуживающий северные и другие периферийные маршруты, уже рисуя в пылком воображении встречу свидания с женой (ну да, и с сыном, конечно, а как же!)

Но под твои ожидания и мечты закладывается первая бомба: ты видишь у всех касс в Черемшанке огромные очереди, и в твою душу вкрадывается первое сомнение: «А улечу ли я сегодня домой, обниму ли свою любимую?».

И когда, все же отстояв гигантскую очередь, ты протягиваешь деньги в окошечко кассы и, унимая волнение, внешне спокойным голосом говоришь: «Мне до Туры, на сегодня...», тебя как обухом топора бьет равнодушный ответ: «На сегодня нет...»

Тут ты начинаешь паниковать: «Девушка, как так нет? Мне очень надо, я сорок дней дома не был, меня очень ждут...». «Всем надо». «Ну хорошо, тогда на завтра!». «И на завтра тоже нет. Через пять дней полетите?».

Тогда было так. Это было начало 90-х, геологические экспедиции в Туру еще работали, и туда, особенно по весне, летало много командировочного народа. А в день делался всего один рейс маленького Як-40, он забирал два-три десятка пассажиров (в зависимости от количества багажа), очень редко выделялся дополнительный рейс.

И мне ничего не оставалось делать, как купить билет на вылет домой из Красноярска аж через целых пять дней. Пять! Это при том, что каждая клеточка моего истомленного ожиданием и разлукой организма и каждый мой нейрон изо всех сил рвался туда, где меня дожидалась молодая жена.

Нам было тогда – всего-то мне под сорок и немного меньше Светлане, и мы, найдя друг друга, воистину переживали вторую молодость. Мы и прожили-то пока вместе всего пару лет, так что упивались своей любовью. И каждый час, а не день разлуки оставляли шрамы-зарубки на наших сердцах, уже привыкших быть только вместе. А тут, после сорока дней отсутствия – еще пять!

«Как я скажу это Светланке, уже готовящейся сегодня к встрече со мной?» – скорбно думал я, направляясь к переговорному пункту.

– Марат, это ты? Ну, как долетел до Красноярска? Билет уже купил на Туру, вылетаешь сегодня? – бился в трубку ее радостный и в то же время взволнованный мелодичный голосок.

И как он изменился, когда я, запинаясь, сообщил, что народа в Черемшанке – не протолкнуться. Билетов нет, и я смогу вылететь в Туру только через пять дней.

– Да ты что-о?! – протянула Светлана упавшим голосом. – И что, ничего сделать нельзя?

– Да я куда уж только не толкался (я и в самом деле пытался уговорить и дежурного администратора, и к начальнику аэропорта ходил с просьбой отправить меня пораньше), все

бесполезно. Единственное, что они мне посоветовали – это каждое утро приходить к рейсу и попробовать идти на посадку, если вдруг кто из пассажиров не полетит). Ты расстроилась, да, лапонька?

– Нет, я обрадовалась! – сердито сообщила мне любимая жена. – Ну ладно, попробуй идти на посадку. Деньги-то у тебя еще есть? Хватит тебе на гостиницу и покушать в эти дни?

– Есть, – соврал я. Денег на самом деле было в обрез. Черт меня дернул отметить с сокурсниками в ресторане накануне отлета успешное окончание сессии, да так, что в кармане потом оставалось не более десяти рублей. Откуда же мне было знать, что я так застряну в порту (это я уже после, наученный горьким опытом, стал придерживать на случаи таких непредвиденных задержек денег побольше)?

– Ну, ладно, буду ждать тебя каждый день, – сказала Светланка уже боле оживленным голосом, хоть и с не ушедшими до конца из него нотками разочарования. – Целую.

Это потом мне коллеги рассказали, что видели, как после разговора со мной Светка заби-лась в редакции в угол потемнее и тихо плакала там, неумело затягиваясь сигаретой.

– И я люблю и целую тебя. До встречи! – как можно оптимистичней сказал и я, и связь прервалась.

Что мне оставалось делать? Улететь в этот день уже никак не получалось. Поселиться в гостинице при порту тоже не выходило – «мани-мани» не позволяли. И я сел в первый же маршрутный автобус и уехал в город. Нашел там редакцию краевой газеты «Красноярский рабочий» (всего за несколько месяцев нашей жизни и работы в Эвенкии я уже успел отметить в этой главной газете края, выходящей тиражом в 200 тысяч экземпляров, рядом заметных публикаций). Подумал – чем черт не шутит, может там гонорар мне какой образовался за последние публикации?

Точно, гонорар был, где-то рублей пятнадцать, которые как раз собирались переводить мне в Туру, но тут же отдали на руки в кассе. Однако этого было маловато, я набрался наглости и, уповав на журналистское братство, попросил одолжить мне червонец, с возвратом через несколько дней, у первого же обнаруженного в первом же встретившемся мне рабочем кабинете журналиста. Разумеется, я предварительно представился и вкратце обрисовал свою бедственную ситуацию.

Не помню уже, кто это был (может, еще и потому, что денег у этого газетчика не оказа-лось). Как и у второго. Но зато он сказал, у кого они могут быть – у фотокорреспондента, если по прошествии лет не ошибаюсь, по фамилии Кузнецов. Тот, долго не раздумывая, одолжил мне этот червонец. И я вернулся в порт и устроился в гостиницу – номера там были недорогие, вполне по моим средствам.

А с утра я уже толкался среди улетающих в Туру. Но и в этот день все мои старания оказались тщетны: свободных мест не образовывалось, никто не сдавал билетов, не отставал от рейса. Удрученный, я пошел в портовый узел связи звонить Светланке в редакцию (дома у нас тогда телефона еще не было), боясь ее не застать на месте и одновременно желая этого – не хотелось в очередной раз самолично ее расстраивать. Но она как раз только что вернулась с какого-то из совещаний в окрисполкоме, с которого должна была сделать отчет для газеты. И пришлось докладывать женошке об очередной неудаче.

– Ладно, не расстраивайся, теперь уже четыре дня осталось, – стала утешать она меня. А я обещал ей, что все равно улечу раньше, чего бы мне это ни стоило. Хотя надежда была лишь одна: кто-то не полетит в Туру и образуется свободное место.

Однако на следующий день я обнаружил, что я не один такой умный: еще несколько человек, как понял из их разговора с дежурным администратором, хотели бы улететь в столицу Эвенкии по посадке. Правда, по очередности я все же был первым из них. Но толку от этого не было никакого: и сегодня самолет улетел в Туру, забитым пассажирами под завязку.

Покурил на улице, ожесточенно растоптал окуроч и пошел в переговорный пункт, сообщать Светлане, чтобы они с Владиком (сыном) и сегодня меня не ждали. Жена уже вроде немного успокоилась и встретила это известие практически спокойно. Рассказала редакционные новости, снова поинтересовалась состоянием моего кошелька – хватит ли денег на это непредвиденное жительство в порту? Сказал, что хватит. И упрямо повторил, что все равно улечу раньше, чем через оставшиеся до указанного в моем билете срока четыре дня. Нет, уже три. Светлана уже без всякой надежды на такую возможность пожелала мне успеха. И нас развели.

Был еще только полдень. Идти тосковать в постылый гостиничный номер не хотелось и я, чтобы убить время, решил съездить в город, пошататься по нему, в киношку сходить. Знакомых у меня в Красноярске тогда еще почти не было – мы жили в этом сибирском краю всего второй год, и за тыщу километров от краевого центра, посреди бескрайней тайги.

Надо был сначала забросить рюкзак в номер – кстати, как вы думаете, что я вез из Алма-Аты, столицы яблок, в качестве гостинца своими? Килограмм пять картошки! Дело же было весной, а в Туре тогда народ жил от каравана к каравану, то есть от навигации к навигации, когда по реке можно было завезти все самое необходимое на год вперед, в том числе и картошку. А к концу зимы она у многих заканчивалась и приходилось использовать сушеную, что, как говорит нынче молодежь, далеко «не айс». И народ по весне тосковал именно по ней, а не по яблокам и ждал прихода каравана, когда привезут по реке из Красноярска тонны и тонны товаров, и в том числе долгожданную картошку. Но это случится не ранее начала июня, а сейчас еще был май...

Я направился было в сторону гостиницы – она находилась всего в сотне метров от здания аэропорта, и тут увидел, что от стоянки для легковых машин к входу в порт идет небольшая, человека в три-четыре, группа хорошо одетых, явно непростых мужчин. И один из них явно мне знаком.

Я наморщил память и вспомнил: ба, да это же начальник крайсеверпотребсоюза, у которого я осенью прошлого года я брал интервью для «Советской Эвенкии» (увы, фамилию его за давностью лет припомнить не смог, и в интернете не нашел – не отметился как-то товарищ. Но это смотря где, а в тот день... Впрочем, читайте дальше).

Я как бы невзначай заступил ему дорогу и с неподдельным удивлением, и даже, пожалуй, восторгом, воскликнул:

– Ба, Николай Николаич (ну, пусть будет Н.Н., какая уж теперь разница, раз все равно не вспомнил, как звали того торгового краевого чиновника по «северам»), какими судьбами?!

Николай Николаич осторожно пожал протянутую мной руку, силясь вспомнить, кто это так ему радуется. Я не постеснялся напомнить.

– А, – просветлел лицом Н.Н. – Как же, как же, помню. Хорошее у нас с вами тогда интервью получилось. Куда летите или уже прилетели?

Он вежливо смотрел на меня, давая понять, что непредвиденная «аудиенция на ногах» закончилась и ему пора идти дальше, по своим важным рыбооповским делам. Но я-то, загоразивая ему дорогу, знал, что этот человек частенько прилетает на «севера» не на рейсовых самолетах, а на спецрейсах, доставляющих разные важные грузы для обеспечения работы промысловиков, оленеводов.

И я коротко обрисовал Н.Н. свою плачевную ситуацию: студент-заочник, не был дома уже сорок дней, а в Туре меня ждет любимая молодая жена, и я уже вот – вроде на пороге дома, еще два с половиной часа лету, и я обниму свою женушку и сына, но нет билетов ни на сегодня, ни на завтра, а только на через неделю. А я поиздержался в Алма-Ате и здесь мне сейчас жить негде и не на что. Вот розы везу любимой, они, того гляди, и завянут. Как и пять кило картошки в рюкзаке.

В общем, всю правду выложил, может быть, чуть разбавленную слезой.

Н.Н. выслушал меня с большим вниманием и даже сочувствием. Но больше всего его поразили пять кило картошки, которые я тащил за несколько тысяч километров в Туру, по просьбе жены.

– Что, совсем нет картошки дома? – недоверчиво поинтересовался он.

– А откуда ей взяться? – пожал я плечами. – В магазинах картошки в это время днем с огнем не сыщешь – думаю, вы сами об этом знаете. А сушеная уже в горло не лезет. Вот и везу своим самый желанный гостинчик – «живую» картошку. Хотите, покажу?

Я уже нагнулся к стоящему у ног пузатому рюкзаку, из полузатянутой горловины которого торчал большой газетный сверток – в нем были многократно обернутые, все еще источающие даже через бумагу горьковатый аромат пунцовые розы, под которыми и покоилась картошка.

– Да ладно, я верю вам! – улыбнулся Н. Н. И чуток подумав, добавил:

– Ну, хорошо, попробуем помочь вашему горю. У нас тут как раз один товарищ заболел и не может лететь. Я распоряжусь внести вас вместе него в список пассажиров нашего спецрейса. Полетите с нами. Посадка уже началась, отлет через пару часов. С нами пойдете или у вас есть дела?

Какие дела? Какие дела?! У меня сердце ухнуло вниз, замерло там, где-то в районе пупка, потом воспарило на прежнее место и забилося хотя и ровно, но с удвоенной силой. Вот оно: Бог есть! и он услышал мои молитвы!

Откроюсь – я хоть и атеист, но в безнадёжной ситуации начинаю взывать к Господу, не к Аллаху там, Христу или Будде с Шивой, а просто к Господу с убедительной просьбой оказать мне посильную помощь. И ведь иногда срабатывает. В эти дни, когда я толкался среди гомонящих пассажиров, шедших на посадку в Туру, я в душе просил Господа, чтобы он помог мне улететь домой, к моей женушке, прелестный образ которой неотступно стоял передо мной, нежно и властно звал к себе и с каждым часом становился все желаннее...

И вот сбылось: сегодня, сейчас я улечу к жене и всего через несколько часов страстно и бережно обниму ее, тонкую и хрупкую... Спасибо тебе Господи, я верю: ты есть, как бы ты ни звался! Ты вошел в мое положение и послал ко мне этого славного и, видимо, богобоязненного человека по имени Николай Николаич и он решил мне помочь.

Все эти радостные и лихорадочные мысли вереницей пронеслись в моем возбужденном мозгу, пока я, вскинув рюкзак на плечи, спешно топал за своим спасителем с его товарищами на посадку на спецрейс через ВИП-зал. Я все время боялся, что сейчас вот-вот произойдет что-то невообразимое: вдруг объявится тот, место которого я собираюсь занять в грузопассажирском Ан-24. Или сам самолет сломается и рейс перенесут на следующий день. Или очередной Тунгусский метеорит свалится, в этот раз на летное поле в Черемшанке и все его перепашет.

Но страхи мои не сбылись. И в объявленное время вместе с другими немногими пассажирами (с хозяином спецрейса Николаем Николаичем нас было человек шесть-семь) я занимаю место в передней части трудяги-«аннушки», а все остальное пространство узкого и длинного самолета забито какими-то ящиками, бочками, мешками. И спустя минут пятнадцать-двадцать мы взлетаем, оставляя внизу злополучную Черемшанку с подступающими к ней со всех сторон темными хвойными лесами и берем курс на север!

Несмотря на то, что уже май, сверху видно, что снег в эвенкийской тайге еще лежит, и чем ближе к Туре, тем реже тайга, тем больше снега – весна сюда приходит с опозданием на месяц. Но зато она властвует в моей душе, мое сердце поет: скоро-скоро я обниму свою любимую, по которой так истомилась моя душа, мои руки мои губы... Фу, черт, снова меня бросило в жар от картин, которые тут же начало рисовать мое услужливое воображение. А ведь не мальчик уже, вот-вот четвертый десяток разменяю...

И вот через два с небольшим часа лету мы приземляемся в аэропорту «Горный», от которого до моего дома в Туре остается всего 14 километров. Николая Николаича и его попутчиков встречают какие-то свои, рыбкооповские, машины. Я успел поблагодарить его за то, что он

взял меня борт спецрейса, еще в Красноярске, так что здесь мы расстаемся безо всяких сантиментов, лишь дружески кивнув друг другу. Я снова пристраиваю рюкзак за плечи и бодро топаю в сторону стоянки маршрутного автобуса, тогда еще курсировавшего между поселком и аэропортом.

Автобус, к счастью, пока на месте, дожидается пассажиров практически одновременно с нами прилетевшего рейсового Як-40, на каком я должен был прибыть домой еще только через четыре дня. А я уже здесь, и снова радость теплой волной обдает меня.

Но вот автобус, резво скатившись по плавному серпантину тогда еще просто гравийной и единственной в Эвенкии дороги федерального значения Тура-Горный, выныривает из холмистой тайги и въезжает в поселок, компактно раскинувшийся на полуострове, образованном в месте слияния Нижней Тунгуски и ее притока Кочечума.

Поселок застроен преимущественно серыми деревянными двухэтажными домами, с жидкими от грязи улицами, с там и тут все еще дымящими трубами котельных, но с уже пробивающейся травкой на подсохших участках голой земли, с набухшими почками ивняка за разномасными изгородями палисадников. Но солнце уже стоит высоко и греет всюю и весело отражается слепящими бликами от окон домов, и народ ходит уже легко одетым. Весна пришла и на эту неухоженную северную землю. И я люблю этот уютный поселок, потому что в нем живет моя обожаемая женщина, и это к ней я спешу, преодолев тысячи километров и другие преграды.

Ключей от квартиры я с собой не брал, а потому иду сразу на работу, в редакцию. И вваливаюсь в наш общий со Светланой кабинет и, слава Богу, застаю ее на месте.

И вот это вот изумление в ее серо-синих глазах, смешанное с радостью от моего внезапного появления, тонкие руки на моей шее, эти стройные ножки в кокетливых сапожках, привставшие на цыпочки и прижавшиеся к моим, эти жгучие поцелуи-укусы становятся мне наградой за все перенесенные накануне страдания.

– Постой, – бормочу я, задыхаясь, – у меня вон что...

Я сбрасываю рюкзак на пол и вынимаю из него стоящий торчком газетный сверток, с шуршанием разворачиваю его и высвобождаю выжившие за эти вымотавшие меня два дня пунцовые розы, которые я купил на знаменитом огромном, шумном Зеленом рынке Алма-Аты, куда ездил за картошкой перед самым отъездом в аэропорт.

Кто-то в дверях кабинета тихо ахает от восторга – это к нам начинают заглядывать немногочисленные любопытные сотрудницы редакции.

– Вот, поставим их у нас в кабинете, пусть всех радуют, – говорю я. – Хотя они, конечно, твои.

– А картошка? – обеспокоенно спрашивает любимая. – Надеюсь, про картошку ты не забыл?

– Конечно, нет, – отвечаю я, снова притягивая ее к себе и целуя ее в уголок маленьких капризных губ.

– Ну, тогда пошли домой, жарить картошку...

И мы, счастливые, пошли жарить картошку.

Эдик Пашков

«Я крепкая настежь открытая дверь...»

Я крепкая настежь открытая дверь.
К салату твой стан накрена,
кричу тебе в ухо: «Иди – ка отсель
бегом под венец за меня!»

Тебя возмущение бросило в дрожь.
Оно объяснимо вполне.
«А может быть сам ты сначала пойдёшь
отсюда жениться на мне?!»

Я взял тебя в танце рукой за бедро,
и ты оттянула носок.
«Со мной ты слезинок наплачешь ведро!» —
сказал – и кусил за сосок.

Ты тут же, ответную нежность верша,
свалила меня и себя.
Мы стали кататься, друг друга душа,
щипаясь, лягаясь, сопя.

От нашей любви убедительных фраз
захлопал в ладоши народ,
«Люблю тебя, дурочка!» слыша от нас,
«Я тоже тебя, идиот!»

Ты бьёшь и швыряешь меня во всю прыть.
Я ж, вазы собрав по столам,
цветов из горстей тороплюсь надарить
наотмашь тебе по щекам.

Кружит над тобой лепестков фейерверк.
Я шпилькою ранен в живот.
Кто искренность нашу сейчас опроверг —
смешон, не естествен тот!

Нам дико за ушком друг другу чесать
и в книксонах корпусы гнуть.
На нервной мы почве сошлись коротать
нелёгкий пожизненный путь.

Когда бы я был бессердечен и пуст,
я чмокнул бы длани твои,

телячи бы нежности сыпал из уст,
треща о безмерной любви.

Когда б ты желала меня охмурить
и сунуть себе под каблук,
то стала бы ситец в руках тербить,
вздыхая от внутренних мук.

Мы были бы тише у всех на глазах,
и было бы скучно. А так
не в ЗАГСе задрипанном – на небесах
у нас совершается брак!

«За то, что мы имеем разный пол...»

За то, что мы имеем разный пол,
и ты меня дразнить взяла повадку,
чтоб нам возлечь, я ждать тебя пришёл,
засев в твою цветочную палатку.

Над чаем шриланковским взвился пар
на небе ляпать белые барашки.
Где «зебру» переехал «ягуар»,
режут слоны из пластиковой чашки.

Когда ломает шаткий табурет
за часом час и волю и осанку,
движеньем механическим проспект
раёк напоминает под шарманку.

Покачиваясь словно нараспев,
шлифуя шляпку выскочке – шурупу,
от Солнца жду, когда оно, осев,
рубить тростник поднимет Гваделупу.

Ты в мыле. От жены или к жене
дневной мужик за флорой потянулся.
Твой мельком взор, размазанный по мне,
как на арбузной корке подскользнулся.

Спеша навеять прыскалкой росу
(по искорке на каждую колючку!),
ты ленты превращаешь полосу
в зигзаг, каким расписывают ручку.

Прядёшь букеты с трепетом в груди,
и тут же зычно (вдруг я не услышу!):
«Цветов мне на могилу не клади,
когда помру. А то возненавижу!»

Светило к горизонту тем быстрее,
чем ближе горизонт. Пионы – в ступу,
ромашки – в урну. Мы идём в «О Кей»,
а Солнце устремилось в Гваделупу.

«Задумавшись, что много не теряю...»

Задумавшись, что много не теряю,
где и найти не много суждено,
обнял тебя, как ил гнилую сваю,
молчать или судачить – всё равно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.